

Ludmila Alexandrovna Bushueva

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация

Российский провинциальный университет в условиях изменения законодательства управления высшей школой 1905–1906 гг. (опыт Казанского университета)

Аннотация

В работе рассмотрено состояние одного из старейших высших учебных заведений Российской империи — Казанского университета в период Первой русской революции. Показано, каким образом изменение университетского законодательства повлияло на данное учебное заведение.

Ключевые слова: Российская империя, Казанский университет, Первая русская революция, Временные правила 27 августа 1905 г., профессора.

Первая русская революция оказалась крайне сложным периодом в истории российских университетов. В связи с многочисленными студенческими волнениями в вузах на продолжительное время был парализован учебный процесс, а университетские аудитории стали площадками для революционной агитации, собраний и митингов. Под давлением радикального движения, одним из лозунгов которого являлось возвращение автономии университетов образца Устава 1863 г., имперские власти вынуждены были пойти уступки и изменить законодательные основы жизни высшей школы.

27 августа 1905 г. были обнародованы Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения. Они отменяли бюрократические основы существования университетов, установленные Уставом 1884 г., и возвратили важные начала автономной коллегиальной самоорганизации. Главная роль в управлении университетами вернулась профессорским Советам. Если в первые годы XX века в компетенции Совета находились лишь несущественные вопросы, то теперь профессорам вновь предоставлялось право избирать университетскую администрацию: ректора, деканов, секретарей. Ректору поручалось руководство инспекцией. Студенты получили возможность организовывать собрания без административного контроля (*Университет и город в России (начало XX века)*, 2009, с. 120–121). Несмотря на то, что Временные правила не отменяли действующего Устава 1884 г., а лишь дополняли его, они во многом изменили структуру внутриуниверситетских отношений. Их введение для профессоров означало, что они перестали быть пассивными участниками

университетской жизни и получили возможность играть в ней активную роль. Отныне, согласно установленным Временным правилам об управлении высшими учебными заведениями, каждый член профессорской коллегии, обязанный входить состав университетского совета и советов факультетов, напрямую сталкиваясь с разнообразными проблемами университетской жизни, так или иначе, принимал участие в их решении.

Временные правила 27 августа 1905 г. не оговаривали пределы компетенции профессоров, поэтому почти сразу после их обнародования казанские профессора выступили с первыми предложениями по изменению некоторых основ существования университета. Эти инициативы коснулись условий приема студентов. 15 сентября 1905 г. на заседании совета с прошением о беспрепятственном зачислении евреев выступил профессор юридического факультета А.А. Пионтковский. В этот же день коллегия выслушала предложение профессора физико-математического факультета П.И. Кротова о принятии в университет учащихся духовных семинарий без специальных испытаний. «Окончившие курс в духовных семинариях в 1870-е годы после сдачи экзаменов принимались в университет и мы отлично знаем, что эта мера принесла много ценных работников науки», — напоминал коллегам профессор П.И. Кротов (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11045, л. 1).

Инициатива казанских профессоров породила широкий общественный резонанс, результатом которого стало несколько законодательных актов министерства народного просвещения И.И. Толстого. Среди них отмена циркуляра, закреплявшего абитуриентов учебных округов за соответствующими университетами, разрешение принимать в университеты семинаристов (с декабря 1905 г.), выпускников реальных и коммерческих училищ, допуск в университеты женщин (*Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы)*, 2012, с. 28–88). При этом Министерство народного просвещения предлагало каждому факультету самому выработать критерии, по которым можно было бы оценивать поступающих. Для этого на всех факультетах Казанского университета были образованы специальные комиссии, куда входили профессора, а также приглашались отдельные приват-доценты (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2104, л. 34).

Работа сформированных комиссий не регулировалась какими-либо специальными законодательными актами. Однако их работа проходила негласным давлением общественности. В то время, как преподаватели пытались определиться с основными требованиями к выпускникам неклассических гимназий, университетская канцелярия буквально «задыхалась» от большого количества прошений учащихся средних учебных заведений со всех уголков страны. Только за несколько месяцев поступили заявления о зачислении из духовных семинарий, реальных училищ, учительских институтов и земельных училищ Вильно, Томска, Самары, Пензы и других городов. Помимо просьб принять в число студентов тех или иных лиц, практически в каждом прошении содержалось напоминание «членам автономной коллегии» об их прямой обязанности открыть всем желаю-

щим двери «храма науки». Так, выпускники Самарского учительского института писали: «Профессора! Народное образование в стране лишь тогда будет стоять на подобающей высоте, когда им будет руководить образованный учитель. Не заграждайте же путь!» (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11045, л. 111).

Сами профессора также прекрасно осознавали социального значимость данного вопроса. «Взоры всей интеллигентной России обращены теперь на нас — членов самоуправляющейся коллегии и горе нам, если мы не сумеем направить учащуюся молодежь на стезю здорового научного развития, если мы не сумеем приобрести доверия, без которого не мыслимо никакое нравственное воздействие...» (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11045, л. 13 об.) — писали казанские профессора, ходатайствуя перед Министерством народного просвещения о допуске в университет женщин наравне с мужчинами.

Критерии приема выпускников реальных и земельных училищ вырабатывались на физико-математическом факультете, а на историко-филологическом факультете вырабатывались нормы приема учащихся духовных семинарий. Активное участие в выработке последних приняли преподаватели кафедры всеобщей истории — приват-доцент М.М. Хвостов и профессор В.К. Пискорский. Так, М.М. Хвостов детально проанализировал учебную программу Казанской духовной семинарии практически по всем предметам, вплоть до математики. Особое внимание он уделил учебным программам по всеобщей и русской истории. Самые существенные «дефекты» им были обнаружены в курсе «общей гражданской истории». Так, например, по заявлению М.М. Хвостова «история Афин в ней начинается со смерти Кодра, в отделе о Пелопонесской войне речь идет только о военных событиях, не затрагивая внутренней истории Афин; вообще упущены по местам существенные вопросы, но указаны мелочи». В программе русской гражданской истории существенных недостатков М.М. Хвостов не обнаружил. Из положительных стороны семинарского образования преподаватели единодушно отметили использование «профессорских» учебников — П.Г. Виноградова и К.А. Елпатьевского (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2104, л. 27).

Среди членов факультетского совета историко-филологического факультета развернулась отдельная дискуссия по поводу необходимого объема знаний латинского и греческого языка. Профессор В.К. Пискорский, ссылаясь на опыт работы в Нежинском историко-филологическом институте князя Безбородко, настаивал на необходимости учитывать оценки поступающих по данным предметам. В качестве существенного минуса он отметил низкий, в сравнении с выпускниками гимназий, уровень владения новыми языками. Однако большинство профессоров, в том числе и В.К. Пискорский, настояли на том, чтобы не вводить специальных вступительных экзаменов по «новым» языкам, так как данная мера могла стать для семинаристов существенной преградой для поступления в университет (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11045, л. 40).

Возможность опираться только на результаты работы университетских комиссий, без согласования с попечителем учебного округа, позволили Казанскому университету принять довольно лояльные законодательные требования к поступающим. Предполагалось допустить семинаристов по окончании четырех классов семинарии с отметками не ниже четырех по таким предметам, как словесность, русская история, общая история, история русской литературы, греческий, латинский. Однако низкие оценки не являлись непреодолимым препятствием для поступления на историко-филологический факультет. Если же по вышеуказанным предметам у поступающих были тройки, то по ним назначались дополнительные проверочные испытания (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11045, л. 38–37).

Профессора других факультетов в вопросе приема окончивших не классические гимназии также встали на сторону будущих студентов. Так, для поступления на медицинский факультет семинаристам требовалось сдать экзамены по математике за гимназический курс, а юридический факультет вообще собирался принимать всех окончивших 4 курса духовной семинарии без каких-либо испытаний (Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11045, л. 38–37).

Данные меры способствовали существенному росту количества студентов Казанского университета. До начала Первой русской революции здесь обучалось чуть более 800 человек: на медицинском факультете — около 300 студентов, 250 человек училось на естественном и математическом разрядах физико-математического факультета, более 100 — на юридическом и традиционно самым малочисленным был историко-филологический факультет — не более 50 студентов (*Годичный акт в Императорском Казанском университете. 5 ноября 1903 г.*, с. 233). В 1907 г. в Казанском университете число студентов достигло 3000 (*Годичный акт в Императорском Казанском университете. 5 ноября 1908 г.*, 1908, с. 151). Это был абсолютный рекорд в истории дореволюционного университета. Далее начался спад количества учащихся, связанный с ограничительными законодательными мерами министров народного просвещения П.М. Кауфмана, А.Н. Шварца и Л.А. Кассо.

С другой стороны, данная Временными правилами 27 августа 1905 г. возможность самостоятельно формировать университетскую коллегию породила в Казанском университете целый ряд конфликтов по поводу принятия в корпорацию новых членов. Так, в конце 1905 г. на историко-филологическом факультете состоялись выборы профессора на кафедру церковной истории, большинством голосов им был избран профессор К.В. Харлампович. Однако вскоре декан факультета А.И. Александров с удивлением узнал о поданной на него жалобе профессором Н.Н. Фирсовым. А.И. Александров как декан обвинялся в организации противоречивших университетскому законодательству выборах. Н.Н. Фирсов, минуя обсуждение этого вопроса в факультетском собрании, напрямую обратился к «автономной коллегии» с прошением разобраться в инциденте.

Действия Н.Н. Фирсова обескуражили декана, поскольку они противоречили существовавшему в Казанском университете еще со второй половины

XIX века одному из механизмов регулирования преподавательского состава, согласно которому за факультетами признавалось право выбора кандидатов на кафедры. Растерянный А.И. Александров писал профессору Д.А. Корсакову: «Что это такое? Как понимать эту бумагу...? Если это жалоба на незаконный поступок факультета, то вся эта история должна быть доказательна...; если это жалоба на меня как декана, то должна следовать по Уставу к г. Ректору..., если это каверзный донос, то приличен ли он профессору?» (*Письмо Александрова А.И. Корсакову Д.А. от 10 ноября 1905 г.*, л. 3–3об.). Особое возмущение декана вызывала поддержка Н.Н. Фирсова профессорами физико-математического и медицинского факультетов — членами Академического Союза — Д.А. Гольдгаммером, А.М. Зайцевым, Д.Н. Зейлингером, Л.О. Даркшевичем, Д.А. Тимофеевым, В.А. Ульяниным и другими. «Вот что вышло из чисто (...) факультетских научных дел?! Их вынесли на улицу и обсуждают не с точки зрения академической, а (...) политической», «ужасно горько и прискорбно, что люди так плохо понимают автономию, а в оценке научных достоинств лиц держаться партийной рамки» (*Письмо Александрова А.И. Корсакову Д.А. от 12 ноября 1905 г.*, л. 1 об.) — с негодованием писал профессор А.И. Александров Д.А. Корсакову. Только лишь авторитет в коллегии профессора историко-филологического факультета Д.А. Корсакова, а также его дружеские отношения с деканом А.И. Александровым не позволили данному конфликту выйти за рамки сугубо корпоративного и приобрести более масштабные размеры.

Таким образом, в связи с ведением Временных правил 27 августа 1905 г. университетская коллегия получила некоторые автономные права, к которой стремилось не одно поколение преподавателей. Несмотря на то, что уже с 1906 г. Министерство народного просвещения попыталось ограничить влияние профессоров на внутреннюю жизнь высших учебных заведений, казанской профессуре удалось реализовать на практике некоторые корпоративные интересы. С конца 1905 г. профессура получила возможность контролировать прием в университет студентов, добилась на всех факультетах увеличения числа выпускников, оставленных в качестве профессорских стипендиатов.

Университетское законодательство данного периода имело двойственный характер в связи с одновременным функционированием университетского устава 1884 г. и Временных правил 27 августа 1905 г. В связи с этим оно порождало конфликтные ситуации, особенно при избрании членов коллегий. Однако новые уставные нормы в итоге благоприятно повлияли на состав корпорации Казанского университета, позволив войти в ее состав молодым талантливым ученым и администраторам.

Библиография

- Годичный акт в Императорском Казанском университете. 5 ноября 1903 г.* (1903). Казань.
Годичный акт в Императорском Казанском университете. 5 ноября 1908 г. (1908). Казань.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Историко-филологический факультет. Д. 2104.
Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11045.

Письмо Александрова А.И Корсакову Д.А. от 10 ноября 1905 г. // Национальный музей Республики Татарстан. Отдел хранения документальных источников. Ед. хр. А1. КППи-123666-103.

Письмо Александрова А.И Корсакову Д.А. от 12 ноября 1905 г. // Национальный музей Республики Татарстан. Отдел хранения документальных источников. Ед. хр. А1. КППи-123666-105.

Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930е годы). (2012). Москва.

Университет и город в России (начало XX века). (2009). Под ред. Т. Маурер, А. Дмитриева. Москва.

Russian provincial university in the conditions of changing the legislation governing of the higher school 1905-1906s (experience of the Kazan University)

Abstract

The paper considers the state of one of the oldest higher educational institutions of the Russian Empire — Kazan University during the First Russian Revolution. It is shown how the change in university law influenced this institution.

Keywords: Russian empire, Kazan University, the first Russian revolution, Temporary rules 27 August 1905, professors.